

КОНСТАНТИН СКВОРЦОВ

БЕЛАЯ ЛОШАДЬ В БЕЛОМ ТУМАНЕ

*Звезда, прости! Пора мне спать,
Но жаль расстаться мне с тобою.
С тобою я привык мечтать,
А я теперь живу мечтою.*

*И к небу там, где светишь ты
Мои стремятся все желанья.
Там сбудутся мои мечты...
Звезда, прости же! До свиданья.*

Иван Мятлев, 1839

С вершины Уреньги до самого сливающегося с небом горизонта расходятся бесконечные волны хребтов. УАЗ, как сорвавшаяся с привязи собака, бежит в гору, задыхаясь от тяжёлой поклажи. Промелькнуло перечёркнутое название оставшегося в долине города, и душа освободилась от тяжёлого груза забот. Машина, преодолевая замысловатые спуски и подъёмы, радуется гладкой дороге. Об испытаниях, ждущих её впереди, ни ей, ни нам думать не хочется. Чувство свободы наполняет грудь. Мы спешим на рыбалку в глубь тайги, к реке, к нашему заветному месту, где, не умолкая ни на мгновение днём и ночью, перекачивает через замшелые брёвна ледяную, кристальную воду могучий родник Шишмарал, охлаждая согревшуюся от дальней дороги уставшую реку.

Асфальт сменяет грунтовая дорога. За рулём мой друг, с которым за долгие годы мы исколесили весь Урал. Уворачиваясь от лисьих хвостов пыли редко встречающихся машин, подъезжаем к реке. Триста километров позади. Остаётся проехать вдоль берега вниз по течению километров десять по перемешанной тягачами чёрной хляби, недавно ещё называвшейся просёлочной дорогой. Справа обрыв с мелькающей между тонких деревьев рекой, слева — оскалившийся камнями и кривыми пеньками склон горы с непроницаемым лесом. Несколько разрытых муравейников напоминают, что хозяева здесь не только лесорубы. Главное — не встретить гружённый лесовоз: разехать невозможно.

Чёрные клавиши гатей отмечаются привычным чавканьем. Разрезая бензопилой шлагбаумы упавших деревьев, метр за метром продвигаемся вперёд. Кажется, что этой скользкой и вертлявой, как уж, дороге конца не будет. Но неожиданно театральным занавесом раздвигаются деревья и открывается широкое, будто созданное для обновления души человеческой, необъятное, но такое уютное, зелёное урочище Ямбай.

... Это произошло семь лет назад, когда я впервые попал сюда. Гул, напоминающий несущийся поезд, низвергался то ли с неба, то ли из-под земли, заполняя всю долину. Он завораживал, кружил голову. Казалось, что деревья рушатся от ревающего ветра, но ни один лист, ни одна травинка не шевелились. Источник этого гула был невидим.

Он возник неожиданно, застигнутый врасплох в своей обнажённой красоте, которую пытался укрыть густыми зарослями ольхи. Стесняясь наготы, укрытый тонкой паутиной мельчайших капель, он казался венцом Творения. Из гигантского серебряного блюдца с неведомой силой низвергался могучий поток ледяной воды, смешиваясь с ленивым течением дремлющей рядом реки, вздрагивающей от неожиданной прохлады.

От мощи родника захватывало дух. Боясь быть снесённым потоком, я вошёл в него, держась за протянутые ветви деревьев. Непреодолимая сила влекла напиток земной-неземной воды. Она обжигала ладони. Сделал глоток. Горло оцепенело, и мне показалось, что время остановилось.

Окаймлённый живым малахитом деревьев хрустальный поток осветляет замутнённую реку. Может, в этой стихии я чувствовал своё предназначение — осветлять? Мне казалось, что мы — одно целое. Познавая себя, япил небо, колеблющееся у меня в обожжённых ладонях...

Спускаемся в пойму реки в километре от родника. Разгружаем машину. Вбиваем колья в скрипящую гальку и укрепляем полог, который в случае дождя послужит нам крышей. Пока накачивали лодку и ставили мотор, начало смеркаться. В прокопчённом котелке, служившем нам верой и правдой, как старый солдат, закипает чай, заваренный свежей мятой. А с неба белым снегом сыплются мириады бабочек-подёнок, не предвещаая удачной рыбалки. Но мы не отчаиваемся и засыпаем под всплески рыб, для которых небесная манна бабочек, живущих всего несколько ночных часов, уготовала нежданный пир.

В окнах машины, оборудованной под гостиницу, угасли блики костра. Мы уснули, предвкушая завтрашнюю встречу с таинственным родником. Нальёмся его чистой силой и чуть ниже по течению будем ловить краснопёрых голавлей, а если повезёт, то и хариусов, расчёсывающих тёмными плавниками ледяные косы реки.

Утренний туман приглушает далёкий голос родника. Мотор лодки не хочет заводиться, но по течению можно плыть и на вёслах. Пльвём, забрасывая спиннинги без надежды на удачу. Но трофейный судак, поплатившийся глазом за своё любопытство, через минуту уже плещется в нашем садке. Первый дар затаившегося в дёбрях Шишмарала.

Ни ветерка. Тайга молчит, отчего шум кипящей, невидимой нам воды становится всё отчётливее и резче. Он заставляет сердце бешено колотиться. Пльвём. Голубым огнём загораются незабудки. Нос лодки мягко упирается в берег. Мы у родника.

Но Боже!..

Из его глубины, как из жерла вулкана, с грохотом извергается рыжая лава, окрашивая глинию замшелые камни. Я немею. Можно было ожидать что угодно, только не это. Уши закладывает, и перехватывает горло. Как и откуда?.. Дождей не было. Может, кто-то моет золото? Но драги здесь нет, а браконьеры, сколько бы их ни было, так не намутят.

Чёрный круг кострища и оставленный кем-то сколоченный походный стол. Свежие следы медведя, теряющиеся в чащобе. И эта пасть ревушего дракона, дразнящего нас длинным жёлтым языком. Горько и больно. Мы остаёмся без питьевой воды. Чувствуем себя обокраденными, но против природы не попрёшь. Мы бессильны перед стихией.

Бросаем в лодку пустые канистры. Отплываем, не глядя в глаза друг другу. Плёт, где мы всегда ловили голавлей, проржавел, убитый глиной. Неприхотливые вездесущие окуни, чтобы мы окончательно не пали духом, изредка хватают наживку.

Молча причаливаем к нашему дому на колёсах. Несмотря на то что вода убывает с каждым часом, вытаскиваем лодку на берег. После увиденного мы не уверены, что её не унесёт появившимся ниоткуда половодьем.

На центральную стойку, удерживающую полог, служивший нам крышей, вешаю добытого судака. Окунь, приговорённый быть съеденным первыми, золотится на решётке в свете горячих углей вечернего костра.

Утром поплывём вверх по течению в поисках жерехов, которые редкими взрывами на воде выдают своё присутствие.

Не спится. В зеркале автомобиля отражается одинокая звезда. Представляю, как она ещё недавно смотрелась в зеркало Шишмарала. Сегодня в ослепшем роднике она не нашла своего отражения. Что она при этом почувствовала? И чувствует ли вообще что-нибудь? Но где звезда и где я? Странные, странные мысли лезут в голову...

«Прости, звезда! Пора мне спать», — вспоминается строчка Ивана Мятлева. Настоящие стихи, как звёзды, не гаснут долго. Во мне что-то ломается... Чистота Шишмарала, в которую я уверовал, оказалась не вечной. Грудь сдавливает воскресшее чувство, которое преследует меня в последнее время.

Друг, принявший по случаю дня авиации положенные ему по профессии сто граммов коньяка, сладко посапывает в абсолютной тишине. Под этот ритм пытаюсь уснуть, улетаю к воображаемым звёздам.

Но тут среди ночи раздаётся рык раздираемого полотна и грохот не спрятанной нами посуды. Кто-то ломает стойки, поддерживающие нашу полотняную крышу.

— Что это? — вскрикивает, спрашивая сам себя, мой испуганный друг, хотя, выросший в тайге, прекрасно знает, кто там может рыться в наших запасах.

Я, не раздумывая, выскакиваю в холодную темноту ночи.

— Пошёл отсюда! — воплю не своим голосом, путаясь в накрывшем меня пологе. Не хочется остаться без трофейного судака, который, к моей радости, целёхонький лежит на траве, ощерившись белыми зубами.

В предрассветной мгле угадываются несколько странных животных. Я не сразу понимаю, что это лошади. От души отлегло. Это не самые страшные налётчики. Мы нередко встречали в долине вольно пасущихся лошадей. Хозяева отпускают их в тайгу без пастухов. От моего крика лошади сбиваются в плотное кольцо. Занимая круговую оборону, прячут молодняк в середине стада.

Запалив костёр, восстанавливаем порушенное хозяйство. Несмотря на наши угрозы, лошади не спешат нас покидать, видимо, чувят рядом более серьёзную опасность.

Небо начинает светлеть. И вдруг в белом тумане я вижу отбившуюся от серого стада белую лошадь. Это кажется наваждением. От неё идёт свечение, растворяющееся в густом мареве. Я замираю. Восторг и испуг приходят одновременно. Совершенная в своей красоте, высокая и стройная, гордая и ухоженная, она кажется пришельницей из другого мира. Есть поверье, что белых лошадей не существует. Значит, это мои галлюцинации. Я подхожу ближе, боясь, что она исчезнет.

Душа моя никогда не переставала метаться в поисках красоты. Я прикасался к небу с вершин пирамид Луны и Солнца. Разбивал чёрные зеркала подземных озёр. Видел павлиньи хвосты северного сияния и купался в золоте песков Сахары... Но всякий раз страдал от чувства неразделённого восторга, не получая радости от увиденного. Почему сейчас я не испытываю этого чувства? Неужели это нечто большее, чем Красота?

Есть мгновение, без которого наша жизнь была бы не осязаема в своей полноте. Только сейчас понимаю, какой глубины чувства, какой Красоты был лишён. Невидимое «белое на белом» становится видимым, обретает очертания. Копна уложенных волос, готовая распуститься упругим крылом и слиться с облаками. Отбившийся локон, небрежно сбегаящий на лоб, и эти глаза, влажные и мудрые, глядящие из глубины веков. Протягиваю руки и чувствую тепло, слышу её дыхание... Или мне это снится?

Восторженный возглас: — Белая лошадь! — заставляет меня поверить в реальность происходящего.

— Это чистая душа Шишмарала красотой искупает его вину! — кричит друг, не лишённый поэтического дара.

Человек и лошадь. Что роднит эти два, не созданные друг для друга существа? Я смотрю на неё. Она замирает, глядя на меня. В её губах несколько застывших листьев мяты. Я тоже люблю ходить по полю босиком и грызть сладкие кончики сорванных травинок. Ну и что?! Придёт же в голову такое... Чувствую, как изморозь пронизывает всё моё тело.

Туман рассеивается, вот-вот взойдёт солнце. Мне становится страшно, что лошадь сейчас скроется за кромкой леса и я её никогда не увижу. Но, может быть, завтра она придёт сюда снова? Странно, на что я надеюсь? Она же не моя, у неё есть хозяин. Он её отпустил на вольное пастбище, и она вернётся к нему. Но почему тогда она так вожделенно смотрела на меня, повернув длинную шею, вздрагивая заиндевелыми ресницами. Такова её природа?..

Идёт время. Как прежде, перекачивает через замшелые брёвна ледяную, кристальную воду могучий родник, в котором ночью отражаются та же звезда. Всё так же неторопливые цапли неслышно ловят длинные ветра над зелёной долиной Ямбая.

Всё по-прежнему.

И только я, закрывая глаза, вижу белую лошадь в белом тумане.

ТРИ КАРТОШКИ

(Триптих)

ВОРОБЕЙ

Я смотрю в окно. Осенний ветер гоняет по остывшей земле золотые листья. На это, как и на огонь костра, можно смотреть вечно.

У каждого писателя свои привычки. Кто-то из классиков плодотворно работал только тогда, когда в комнате пахло яблоками, кто-то работал, опустив ноги в таз с водой... Хемингуэй работал стоя, опираясь на широкие полки, укрепленные на стене... Но почти перед каждым дежурила чашка кофе или чая на случай «дозаправки в воздухе». Во время творческого полёта время неощутимо.

Я не претендую на роль классика, но чаша сия не обходит и меня. «Пустой» чай я не пью. Рядом на блюде лежит кусочек хлеба. Возможно, этого требует генетическая память моего голодного военного детства.

Мне не пишется. Я бездумно смотрю в окно, как будто ветер, рисуя золотые картины, одарит меня мыслями, от которых проснётся задремавшее тело и заколотится сердце в предчувствии восходящего слова.

Сойки, свившие весною под крышей гнездо, похожее на ивовую корзину, давно его оставили. Они прилетают теперь только по старой памяти, чтобы проверить сохранность гнёзда, в котором могли поселиться птичьи мигранты.

Частые гости у меня на даче — синицы, а вот воробьёв я никогда не видел. Может, городская сутолока и пыль им больше по душе.

Вдруг кто-то робко постучал по стеклу. От неожиданности я вздрогнул. Задумавшись о своём, я не сразу увидел на подоконнике воробья. Это он стучал по стеклу. Его, очевидно, обидело то, что я не обращаю на него внимания. Если бы стучал дятел, я бы не удивился, но воробей...

Он смотрел, как мне показалось, не столько на меня, сколько на кусочек хлеба, лежащий на моём блюде.

Я улыбнулся, вспомнив моего друга, дагестанского писателя Ахметхана Абу-бакара. После войны он приехал из села сдавать экзамены в Литературный институт. На экзаменационном столе лежали билеты и бутерброд. Профессор, заметив растерянный вид парня, решил его поторопить:

— Чего смотришь, бери!

Он надеялся, что Ахметхан возьмёт билет. Но будущий классик схватил бутерброд и убежал...

Я приоткрыл окно и в шутку сказал:

— Чего смотришь, бери!

Это нисколько не смутило моего гостя. Он смело подскочил к блюду, взял в клюв кусочек хлеба и улетел.

Выросший в уральской тайге в мире птиц, я не особенно удивился этому. В конце концов, у меня есть белка Аватар, которая ест орехи из рук и прибегает, как собачка, когда я зову её по имени.

На следующий день я вновь услышал за окном «тук-тук». Окно было приоткрыто. Воробей уверенно проскакал проторённой дорожкой и улетел с очередной крошкой хлеба.

Так случалось каждое утро. Я радовался, что во мне нуждается живая душа.

К сожалению, когда работа спорится, можно забыть обо всём. В один из таких дней я не вспомнил про чай и хлеб, пребывая в другой эпохе, в мире моих литературных героев.

И вдруг... Тук-тук!

Это вернуло меня к реальности. Воробей, как мне показалось, с сожалением смотрел на меня, так как не видел на моём столе заветного блюдца с хлебом.

Я виновато посмотрел на него и жестом показал: мол, прости, хлеба нет...

Он улетел. Я, преодолевая чувство вины, вновь погрузился в рукопись.

И вдруг... Тук-тук!

Я поднял глаза. В клюве у воробья была корочка хлеба. Он положил её на подоконник. Его сверкающие бусинки глаз казалось говорили:

— Чего смотришь, бери!

И упорхнул.

... Под окном цветные листья, как мазки художника, лежали на заиндевевшее полотно осени.

В тот день я больше не работал.

ПОДКИДЫШ

Природу нельзя назвать несправедливой, она такая, какая есть. Но почему не только животные, но и деревья бывают дикие и прирученные?

За одними ухаживают люди, другие предоставлены сами себе.

Лет пятнадцать тому назад между моим окном и соседским появилась на свет дикая яблонька. Соседка приняла её за сорняк, но я смог её убедить не лишать жизни это хрупкое создание.

Дерево-подкидыш. С ним не нянчились в питомнике, его не кормили детскими витаминами, ему не подстригали ветви, не рыхлили землю вокруг неокрепшего ствола.

Мы не заметили, как оно выросло. Каждую весну оно одевалось в бело-розовое облако цветов, а осенью сбрасывало созревшие, вполне съедобные плоды на заросший густой травой газон.

Яблони не ходят в салон красоты. Мастер приходит к ним и обслуживает их на корню. Дорогое удовольствие, не всем деревьям доступное. Эта дичка выросла на стоящей красавицей. Высокая и стройная, она могла бы претендовать на яблоню года. Природа сама позаботилась о ней.

Раскидистые ветви яблони стали затенять окно соседки. Привыкшая к южному солнцу, она не могла с этим смириться.

Всякий раз намекала мне о том, что яблоню необходимо обрубить. Я ей объяснял, что яблоня существо живое и я не могу вмешиваться в жизнь этой дикой сиротки, которая, кроме радости, нам ничего не приносит и ничем не грозит.

Но в один из дней соседка решительным голосом позвала меня.

Мы стояли у яблони, ветки которой ломались от нависших, как праздничный салют, яблок. В категорической форме попросила меня обрезать у яблони те ветви, что затеняли её окно.

Яблоня вздрогнула. Она чувствовала себя преступником, которому читают приговор о четвертовании.

Я сам, если бы это было возможно, готов был лечь на плаху вместо неё.

Я вскипел:

— Яблоня не переживёт такого варварства. Смотрите, сколько на ней плодов.

Соседка не сдавалась:

— Я куплю вам яблоки!

Меня как будто ударило током, но я сдержался, чтобы не нагрубить женщине.

— Не плодами едиными жив человек! — перефразировал я библейскую истину. — Не делайте из меня палача.

Казнь не состоялась. Казалось, что яблоня облегчённо вздохнула.

Вскоре она сбросила листья. Рано выпавший снег пролился новым светом в наши комнаты. Соседка успокоилась...

Весною яблоня цвела не так празднично, как в прежние годы. А осенью только одна её ветвь плотно, как виноградная гроздь, была усыпана яблоками.

И эта ветвь упиралась в моё окно.

ТРИ КАРТОШКИ

— Достаньте паспорт: будем проезжать Швейцарию! — сказал мне водитель, хотя глубинная Россия мало напоминала Европу. Деревенская дорога, скорее, напоминала партизанские тропы, где «шумел сурово брянский лес». Мне как-то довелось там побывать. На мой вопрос: «Почему такая разбитая дорога?» пожилая женщина недоумённо ответила:

— Дык война же у нас была!

— Война полвека как закончилась!

Она безнадёжно всплеснула руками.

До Урала война, слава Богу, не докатилась, но просёлочные дороги здесь под стать фронтовым.

Покосившийся знак с надписью ШВЕЙЦАРИЯ убедил меня, что она действительно существует. Стайка гусей, изображающих таможду, пропустила нас в глубь своей загадочной страны. Паспорт не спросили.

Мы искали отделение упразднённого колхоза, где мне предстояло выступить перед читателями. Всю дорогу нас сопровождали ржавые остовы комбайнов и тракторов, изуродованные до неузнаваемости сеялки и прочие превратившиеся в металлолом стальные трудяги здешних полей, списанные за ненадобностью. Иногда по сторонам встречались заброшенные коровники, заросшие польнью и молодыми берёзками. Видеть этих свидетелей прежнего благополучия было больно...

Девяностые годы прошлого века прокатились по России-матушке безжалостным катком.

Пасмурная погода не радовала. Наконец забрезжили дома. Низкие, но ещё крепкие, как грузди, они показывались из земли. Позеленевшие от времени крыши с подгнившими досками свидетельствовали об отсутствии мужской руки. В палисадниках, на месте обычных цветов, валялась необранная картофельная ботва да головки лука.

Людей на улице не было. Видимо, они все уместились в небольшом зале клуба по случаю встречи с заезжим писателем. Как потом выяснилось, живого писателя они видели лет сорок назад, когда деревня их была жива и здорова.

Миновав длинный барак без окон и дверей, где, судя по сохранившемуся перед ним турнику, раньше была школа, мы подъехали к большому дому с парадным крыльцом, которое парадным можно было назвать только условно. Когда-то в нём заседало правление, теперь располагался сельский клуб.

Нас встретила бывшая учительница той самой несуществующей школы. Извиняясь за неудобства, она провела меня по скрипящим деревянным клавишам пола на сцену.

В холодном зале сидели старушки в повязанных по случаю события цветных платках. Почти на всех, надетые на вязаные шерстяные носки, сверкали неодождённые

резиновые калоши. Было их не более тридцати человек. Это все жители, которых, как насадка, привела сюда старая учительница.

Я чувствовал себя неловко. Вроде бы не до литературных встреч людям. Судя по их испытующим взглядам, я понял, что мне придётся нелегко.

Никогда до последнего момента не знаешь, как пойдёт встреча. Насколько ты им интересен, да интересен ли ты вообще.

Учительница меня представила, щедро преувеличив мои заслуги. Отступить было некуда.

Я перебирал в памяти стихи о малой Родине, о деревне, о судьбе русской женщины...

Слушатели мои, как мне казалось, удивлялись, что встреча эта не была похожа на обязательное собрание. Они неловко улыбались, пытаясь скрыть не выплаканную от тяжкой работы слезу.

*Святая Русь, не знавшая покоя,
Омытая слезами, как дождём...
Где б я ещё услышать мог такое:
Чего не доедим, то допём!..*

В это время одна из старушек, согнутая то ли от прожитых лет, то ли по старинной привычке, чтобы не перекрывать луч киноаппарата, которого здесь не видели лет со-рок, тихонько, как мышь, прокралась к двери и вышла.

Зрители на это не обратили внимания, но я не хотел, чтобы ряды моих без того редких слушателей поредели ещё больше.

Дело шло к окончанию встречи, но лёгкая горчинка от произошедшего застревала у меня в горле, мешая говорить.

Не прошло и десяти минут, как старушка появилась в дверях. Выждав паузу, когда я закончу читать стихотворение, она, по-утиному переваливаясь, поднялась на сцену и протянула мне завернутые в тряпицу три горячие картошки:

— Возьми, сынок! Больше у меня ничего нет...

Я не помню, были ли аплодисменты... Но это была самая дорогая награда в моей жизни.

